

*БЕЛИКОВА Галина Васильевна, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры романских языков имени В.Г. Гака Московского педагогического государственного университета. Автор 41 научной публикации, в т. ч. одной монографии, трех учебных пособий**

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ЛАКУНЫ В КРОССЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (на примере французского и русского языков)

Обсуждается проблема теоретической и эмпирической интерпретации межъязыковых лагун, таксономический статус которых оспаривается рядом ученых. Выявление, описание и типизация подклассов корневых таксонов лагун – лингвистических и экстралингвистических (культурологических) – обусловлены целями и контекстом (кросскультурный или монологической) проводимых исследований. Вместе с тем типологическое многообразие лагун затрудняет содержательную дифференциацию их таксономии. Формулируется обобщенное значение термина «лагуна», интегрирующее различные исследовательские точки зрения на ее сущность и опосредующее дифференциацию внутриязыковых и межъязыковых лагун. С позиций онтологического осмысления сущности лагуны и на примерах соотнесения избранных франко-русских безэквивалентов обосновываются целесообразность и правомерность межъязыковой трактовки лагуны. Предлагается проводить отличие между понятиями «межъязыковая лагуна» и «безэквивалентная единица», поскольку десигнаты данных терминов находятся вне всякого (аналитического/синтетического) тождества. Термин «межъязыковая лагуна» отражает иной (в отличие от внутриязыковой лагуны) модус реальности лагуны. Такая лагуна-отсутствие предстает как «динамичное» небытие, которое – при его обнаружении – предполагает культурно-специфическое бытие безэквивалента в языке А. Межъязыковая лагуна есть лагуна-отсутствие, модус реальности которой задается пределами соотнесения «иноязычная лексема/фраза языка А – сегмент лексико-семантического поля языка В». От лагуны-отсутствия необходимо отличать лагуну-пробел, модус реальности которой находится в рамках системы одного языка, но может обнаруживаться на фоне другого. Эпистемологический феномен межъязыковой лагуны обусловлен разнородными модусами реальности лагуны как таковой: атрибутом лагуны-отсутствия выступает ее относительность, модусом лагуны-пробела – наличие концепта при отсутствии его языкового номината.

Ключевые слова: межъязыковая лагуна, концепт, бытие-небытие, лагуна-отсутствие, лагуна-пробел.

*Адрес: 119571, Москва, просп. Вернадского, д. 88; e-mail: galatin@yandex.ru

Для цитирования: Беликова Г.В. Эпистемологический феномен межъязыковой лагуны в кросслингвистических исследованиях (на примере французского и русского языков) // Вестн. Сев.(Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 5. С. 80–90. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.5.80

В отечественной лакунологии выработана весьма расчлененная классификация лакун, которая, с одной стороны, свидетельствует о достаточно полной, рационально обоснованной систематике множества данных объектов, с другой – затрудняет содержательную дифференциацию таксономии лакун (в частности межъязыковых) при их эмпирической интерпретации. Даже при беглом ознакомлении с материалом становится очевидным, что задача упорядоченного описания, фиксации строгих критериев типологического сопоставления и идентификации лакун оказывается достаточно непростой. Нельзя не согласиться с метким замечанием Л.А. Леоновой, что выявление и таксономия лакун «сама представляет собой белое пятно в лингвистике» [1, с. 35].

Существование двух основных классов лакун – лингвистических (внутриязыковых и межъязыковых) и экстралингвистических (культурологических), фундирующих последующую систематику лакун, – признается большинством ученых. Забегая вперед, тем не менее отметим, что правомерность трактовки лакуны в межъязыковом контексте и, следовательно, термина «межъязыковые лакуны» оспаривается некоторыми исследователями (например, В.М. Савицким), в том смысле что значение термина «лакуна» вступает в противоречие с сигнификатом признака «межъязыковая» и тем самым данная деноминация является своего рода оксюмороном.

Типологическое многообразие лакун¹ вполне закономерно, поскольку зиждется, как представляется, на понимании учеными не столько значения, сколько концептуального

содержания термина «лакуна». Действительно, в исследовательских практиках словарное значение данного термина «пропуск, пробел, недостающее место в тексте; вообще пропуск, пробел в чем-н.» [2], «пробел, пропуск, недостающее место в тексте, а также обозначение отсутствия лексических эквивалентов в одном из языков (родном или иностранном)» [3] получает добавочные семантические оттенки, опосредованные стремлением ученых обозначить существенные признаки, присущие тому или иному исследуемому «пробелу/пропуску»², с целью его категоризации в контексте сопоставительных или внутриязыковых исследований.

Приведем лишь некоторые примеры дефиниций лакун (внутри- и межъязыковых) в авторитетных исследовательских работах: Ю.С. Степанов трактует лакуну как «антислова», «пробелы», незаметные «изнутри» «белые пятна на семантической карте языка» [4, с. 120]; В.Г. Гак, подчеркивая отражательную функцию языка, различает внутриязыковую лакуну как «пропуски в лексической системе языка, отсутствие слов, которые, казалось бы, должны были присутствовать в языке», и межъязыковую лакуну, определяя последнюю как «отсутствие слов для обозначения понятий, которые, несомненно, существуют в данном обществе и которые имеют особое словесное обозначение в другом языке» [5, с. 261]; В.Л. Муравьев называет лакуной «недостающее в данном языке слово другого языка», «иноязычные слова и устойчивые словосочетания, которые выражают понятия, не закрепленные в языковой норме данного языка и для передачи которых в этом языке требуются

¹Ср. в связи с этим таксономию лакун в трудах ученых-лакунологов: синхронические/диахронические (исторические) лакуны, языковые (речевые, частичные, компенсированные), полные, уникальные и частные, культурологические и этнографические, лингво-культурологические, а также абсолютные, относительные (векторные видовые/родовые), мотивированные и немотивированные, концептуальные, нулевые, стилистические, грамматические, эмотивные, коннотативные и ассоциативные, смешанные и вакантные и т. д. (Ю.С. Степанов, В.Г. Гак, В.Л. Муравьев, Г.В. Быкова, Л.С. Бархударов, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Ю.А. Сорокин, И.А. Стернин, З.Д. Попова, В.И. Жельвис, И.Ю. Марковина, А.И. Белов, Л.А. Леонова, Б. Харитонова, И.В. Томашева, О.А. Огурцова и др.).

²Отметим, что сама дефиниция лакуны как «пробел/пропуск» достаточно тавтологична. 1. «Пустое, незаполненное место в печатном или рукописном тексте, пропуск <...> 2. перен. Упущение, недостаток, изъян» [6].

более или менее пространные перифразы – свободные словосочетания, создаваемые на уровне речи» [7, с. 3, 6]. Последнее определение, заметим, аналогично значению термина «безэквивалентная лексика» (В.С. Виноградов, Л.С. Бархударов, С. Флахов и С. Флорин, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, С. Волков и др.). Соотнесение понятий безэквивалентной единицы и лакуны стало основой для дефиниции культурологических (этнографических) лакун, «существование которых обусловлено отсутствием реальных, характерных для одной культуры, в другой культуре» [8, с. 38]. Такие лакуны Г.В. Быкова предлагает трактовать как лингво-культурологические, поскольку они «занимают промежуточное положение между лингвистическими и экстралингвистическими» [9, с. 72]. Определяя понятие внутриязыковой лакуны, Г.В. Быкова исходит из семиотической природы языка и двусторонней сущности языкового знака, обозначая внутриязыковые лакуны как «виртуальные единицы, идеальные сущности, семемы, не имеющие физического воплощения в виде лексем, но способные проявиться на уровне синтаксической объективации в случае коммуникативной релевантности концепта» [9, с. 99].

В традиции контрастивных исследований И.А. Стернин и З.Д. Попова понимают лакуну как отсутствие «в одном из языков, сопоставляемых между собой, наименования того или иного понятия, имеющегося в другом языке» [10, с. 71]. В таком случае в сопоставляемом языке выявляется лакуна, а в исходном языке – безэквивалентная единица: «...понятия межъязыковой лакуны и безэквивалентной единицы соотносительны: первые выделяются на фоне последних и взаимно предполагают друг друга» [11, с. 46]. Данное наблюдение принципиально важно, т. к. указывает на сущностный признак межъязыковой лакуны – ее относительность; в этом же ракурсе Б. Харитоновна понимает лексическую лакуну как «отсутствие в системе языка слова или лексемы, несущих понятие,

эквивалентное понятию языка сравнения» [12, с. 34]; О.А. Огурцова также определяет лакуну как отсутствующие слова, словосочетания (устойчивые и свободные), грамматические категории «бытующие в одном из сопоставляемых языков» [13, с. 79].

С позиций культурологических кросскультурных исследований В.И. Жельвис называет лакунами те «отдельности», которые выделены в одних языках, а в других «не сигнализируются» [14, с. 136]; Ю.А. Сорокин и И.Ю. Марковина считают лакунами несоответствия, расхождения между родным и инокультурным текстом, которые не понимаются реципиентом, представляются странными, требуют пояснения; все, что «требует интерпретации, служит сигналом присутствия в тексте национально-специфических элементов культуры, в которой создан текст» [15, с. 37]. Аналогичным образом А.И. Белов рассматривает лакуны как «отражение национально-специфического в языке» и определяет лакуны как «пустоты», «несигнализируемые участки», «непонятные и/или ошибочные» правила, возникающие при взаимодействии реципиента и иноязычного текста (буквального перевода)» [16, с. 20]; в этом же ключе А.А. Арестова называет лакунами «некоторый фрагмент текста, в котором имеется нечто непонятное, странное, ошибочное (нечто, что можно оценить по шкалам “непонятно/понятно”, “непривычно/привычно”, “незнакомо/знакомо”, “ошибочно/верно”)» [17, с. 44]; и т. д.

Итак, вышеприведенных дефиниций лакуны достаточно, чтобы сформулировать в самом общем, хотя и несколько громоздком, виде то обобщенное значение термина «лакуна», которое интегрирует различные исследовательские точки зрения на ее сущность: отсутствие лексического номината в одном из соотносимых языков и/или лексический пробел в языке одной исследуемой культуры, обусловленные несоответствием соотносимых фрагментов мира в сопоставляемых языковых культурах и/или несоразмерностью³ культуры и ее языка.

³В том смысле, в котором В.И. Шаховский пишет о «муках слова»: «Многие аспекты человеческой жизнедеятельности просто не передаются словами: язык беднее действительности, его семантическое пространство неполностью покрывает весь мир» (цит. по: [9, с. 68]).

Понимание лакуны как *вообще отсутствия* лексического номината понятия в языке и/или в одном из сопоставляемых языков объединяет многих ученых-лакунологов. Вместе с тем при определении межъязыковой лакуны далеко не всегда учитывается решающий, на наш взгляд, имплицитивный признак десигната: *существует* ли в сопоставляемой культуре то инокультурное означаемое, для которого не находится лексического номината. Именно этот критерий лежит в основе рационального обоснования В.М. Савицким антиномии понятий «межъязыковая»/«лакуна» в составе термина «межъязыковая лакуна» и, как следствие, неправомерности межъязыкового толкования лакун. На конкретном языковом материале ученый убедительно демонстрирует отсутствие причинной связи между *со-существованием* безэквивалентной лексической единицы в одном языке и лакуной в другом. В.М. Савицкий усматривает логическую ошибку типа «*cum hoc ergo propter hoc* (сопутствует этому – стало быть, вследствие этого)», в результате которой сложилась межъязыковая трактовка лакун: «... межъязыковая лакуна – это не объективный факт, а артефакт, креатура исследователя, который <...> мысленно вставляет лексему языка А в язык В <...>. Это субъективизм» [18, с. 16]. В концепции ученого отсутствие эквивалента иноязычной лексеме не есть лакуна, «безэквивалентность и лакунарность – не одно и то же» [18, с. 16], это различные и разноуровневые проблемы: «Первая существует в межъязыковом плане в рамках проблематики лингвострановедения, лингвокультурологии, сравнительной типологии языков <...>, а вторая – во внутриязыковом плане. В рамках теории формо-, слово- и фразообразования, дистрибутивного анализа, структурного описания языка» [18, с. 16].

Разделяя в целом позицию В.М. Савицкого, а также следуя традиции определения внутриязыковой и межъязыковой лакуны В.Г. Гаком, внутриязыковой лакуны – Г.О. Винокуром, Г.В. Быковой мы считаем уместным прояснить сущность лакуны в контексте философских

категорий бытия и небытия. Такой онтологический ракурс осмысления лакуны далеко не нов, но применительно к таксону межъязыковой лакуны позволяет, на наш взгляд, преодолеть в известной степени дуализм трактовки межъязыковой лакуны и определить границы номинативного пространства термина «межъязыковая лакуна». Иными словами, реальность таксона «межъязыковая лакуна» может быть установлена посредством последовательного выявления ее эпистемологического содержания.

Философская трактовка категорий бытия/небытия сводится, как правило, к утверждению их единой динамичной субстанциональной сущности: небытие трактуется как виртуальное бытие, особый момент, модус бытия, они сосуществуют, онтологически взаимообусловлены и неотделимы друг от друга (Г.В.Ф. Гегель, А.Ф. Лосев, М. Хайдеггер, А.Н. Чанышев и др.). В контексте такой диалектической связи «бытие↔небытие» лакуна соотносима с понятием небытия как *наличие отсутствия* и является виртуальной единицей с потенциально возможным актуальным значением. Подобный онтологический взгляд на сущность лакуны как отсутствия, т. е. небытия как потенциального бытия, встречаем у исследователя Е.К. Савицкой относительно понятия внутриязыковой лакуны: «Диалектика бытия и небытия в языке приводит к выводу: языковая лакуна – это не просто пустота, а такая пустота, которая содержит виртуальную (лакунарную) единицу/форму, притом не чужого, а данного языка» [19, с. 9]. Иными словами, лакуна в языке есть одновременно реальное небытие и виртуальное бытие непротиворечащих схеме (в понимании Л. Ельмслева) языка единиц и форм.

Итак, при трактовке языковой лакуны как *со-присутствия* актуализированного (отнесенного к действительности, т. е. обнаруживаемого в актуальной предикации) небытия и потенциального бытия *непротиворечащих законам данного языка* лексем становится очевидным, что языковые пробелы могут именоваться лакунами только в рамках одного исследуемого

языка: если национальный язык номинативно⁴ не отражает (не находит лексического номината) существующего в культуре понятия, то обнаруживается лакуна, т. е. пробел в «языковой норме» (в понимании Л. Ельмслева) (ср. с вышеприведенным определением внутриязыковых лакун: «Лексические лакуны – отсутствие слов, которые *должны* (курсив наш. – Г. Б.) присутствовать в языке, если исходить из его отражательной функции <...> и из лексической системы языка» [5, с. 261]).

В пользу подобной внутриязыковой трактовки лакуны говорит и то, что, как известно, абсолютных «пробелов» в системном⁵ строении языка не существует (если и существует, то мы вряд ли можем себе это представить, как невозможно представить потенциал языка как субстанции), небытие некой языковой единицы есть ее виртуальное наличие, которое может стать реальностью: «Потенциал языка, обеспечивающий его развитие в долговременной перспективе функционирования в социокультурном контексте, колоссален и во многом непредсказуем. Виртуал языка составляет лишь малую часть его потенциала. Это те единицы и формы, которые уже имеют ячейку в той или иной парадигме, легко конструируемы по аналогии с имеющимися членами парадигмы и, не употребляясь нормативно, реализуются в речи окказионально» [18, с. 16]. С течением времени такая окказиональная материализация виртуальной единицы может «прижиться» в речи и войти в языковую норму (ср. в связи с этим феминитивы-неологизмы, созданные по языковым словообразовательным моделям по мере появления и возрастания коммуникативной значимости концепта: авторка, авторесса,

психологиня, политикесса, гидесса; и во французском языке: *une avionneuse, une camionneuse, une footballeuse, une chercheuse, une programmeuse, une écrivaine, une présidente, une sergente*). Вместе с тем, несмотря на, казалось бы, очевидность вышеизложенных доводов в пользу внутриязыковой трактовки содержания термина «лакуна» (тогда как межъязыковая лакунарность должна именоваться «правильным» термином «безэквивалентность» [18, с. 17]), мы все же попытаемся определить понятие лакуны в контексте межъязыковых контрастивных исследований и показать различные модусы реальности (бытия) лакуны как таковой.

Понятие «безэквивалентность» отсылает, как правило, к культурно-специфическим⁶ особенностям именуемого безэквивалентной лексемой явления. В нашем понимании наличие языкового номината культурно-специфического понятия в культуре А и отсутствие данного понятия и его эквивалентного иноязычному номината в культуре В не могут рассматриваться как актуальная лакуна в культуре В: подобная трактовка противоречила бы логике понятия «этноспецифический». Действительно, мы не можем говорить о лакуне как пробеле в лексической системе языка культуры В, если требуемое для называния этноспецифическое понятие культуры А в ней отсутствует: нет понятия – нет имени, т. к. в «виртуале» языка В нет этого, «ожидającego» актуализации понятийного кванта («идеальные сущности, семемы» у Г.В. Быковой [9, с. 99]), хотя в потенциале он может уже присутствовать. Если в русской лингвоментальности концепт «Береза/русская Береза» является лингвокультуремой, то отсутствие ассоциативно-символьного значения, закрепленного

⁴Хотя предикативно (речевая синтаксическая номинация) данное понятие может быть выражено при коммуникативной востребованности концепта.

⁵У Л. Ельмслева – «схема языка», а у Ф. де Соссюра – системность и принцип «ценности» членов системы языка.

⁶В данном контексте «культурный» используется не в узком понимании духовной культуры, а в обобщенном: «...специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных форм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе» [20].

за данным русским языковым знаком, во французском языке не может рассматриваться как лакуна: во французской лингвокультуре «русская Береза» – это чужой, специфически русский культурный концепт, который, по определению, не должен *быть* в концептосфере французского языка (хотя и существует ботанический номинат *bouleau* – эквивалент русского «береза»), и наоборот: например, французский фразеологизм «*corruption grise*» (букв. «серая коррупция») отражает специфически французский взгляд на определенные виды рутинной (незначительной и допустимой в общественной жизни) коррупции. Отсутствие (во всяком случае пока) эквивалентного концепта и его языкового номината в русской социальной действительности не является пробелом «на семантической карте» русского языка, указанный концепт просто не существует. Однако обнаружение этого *отсутствия* сигнализирует о существовании культурно-специфического инокультурного объекта/явления.

Таким образом, выявляемая *лакуна-отсутствие* в сопоставляемом языке В относительно языка А – это не безэквивалентная лексическая единица, здесь нет никакого (аналитического/синтетического) тождества, поскольку ни понятия, ни его номината в языке В не существует. Такая лакуна-отсутствие предстает как «динамичное» небытие, которое при его обнаружении *предполагает* культурно-специфическое бытие безэквивалента в языке А. В этом мы усматриваем основную функцию лакуны-отсутствия – указывать на бытие национально-специфического иноязычного номината инокультурного понятия. Элиминирование⁷ лакуны-отсутствия восстанавливает прерванную ей же дискурсию, что обуславливает эффективность

достижения коммуникативного намерения адресанта в процессе межкультурного взаимодействия. Вычленение таксона «лакуна-отсутствие» опосредует целесообразность и правомерность использования термина «межъязыковая лакуна», поскольку он отражает иной (по сравнению с внутриязыковой лакуной) модус реальности лакуны: существующей *между языками*, т. е. в ограниченной плоскости относительности сопоставляемых языков А↔В. Продемонстрируем данный тезис на некоторых примерах.

Французский лексический номинат *covoiturage*⁸ является безэквивалентным в русском языке, т. е. в последнем обнаруживается лакуна-отсутствие, указывающая (для носителя русского языка) на существование французского культурно-специфического понятия. Заметим, что в русской концептосфере нет (или еще нет) эквивалентного французскому типизированного «фрагмента опыта», хотя мы вполне можем допустить существование частных случаев похожей практики: не случайно в русском языке есть понятие «заказной автобус/микроавтобус» для доставки рабочих/служащих и т. п. на объект их работы. Иными словами, культурная специфика французского номината (как и поименованного им понятия) обнаруживается при соотнесении языковых картин мира («французская↔русская»); отсутствие русского эквивалента французской лексеме есть лингвокультурная лакуна-отсутствие, модус реальности которой задан границами этой зоны относительности: межъязыковая лакуна-отсутствие (не лакуна-пробел) отражает такое «положение дел» в русской картине мира, при котором отсутствуют как соответствующая инокультурной реальности, так и ее языковой номинат.

⁷Заметим, что в научном сообществе четкого разграничения понятий «элиминирование», «заполнение», «компенсация», «восполнение» лакуны не существует. В нашем понимании термин «элиминирование» – гипероним по отношению к другим перечисленным терминам.

⁸*Covoiturage* – utilisation en commun d'une voiture particulière qui permet de partager un trajet régulier domicile-travail, généralement de courte distance, entre personnes dont le domicile est proche («Общее использование с людьми, живущими поблизости, принадлежащей кому-нибудь из них машины, для того чтобы совместно проехать по привычному маршруту дом–работа, обычно на короткие расстояния»).

От лакуны-отсутствия необходимо отличать *лакуну-пробел*, модус реальности которой находится в рамках системы одного языка, но может обнаруживаться на фоне другого языка (при нецеленаправленном внутриязыковом исследовании). Так, если современный, весьма популярный «экологический» номинат *climato-sceptique/climatosceptique*⁹ можно рассматривать как частичную лакуну-пробел в русском языке (понятие и соответствующие речевые синтаксические номинаты «климатический скептицизм», «климатические скептики» существуют, но в узусе нет, по-видимому пока, соответствующей лексемы/фраземы), то антонимичный *réchauffiste*¹⁰ является абсолютной лакуной-пробелом в русском языке, т. к. для выражения существующего в русской ментальности понятия «человек, считающий, что глобальное потепление происходит вследствие жизнедеятельности человека» русский язык не находит эквивалентного

языкового номината. В данном случае лакуна-пробел выявляется на фоне французского языка¹¹. Аналогичных примеров русско-французских лакун можно привести немало (см., например, в этом же экологическом ключе: лакуна-пробел *zadiste*¹², лакуна-отсутствие *climaticide*¹³ и т. д.), нам важно содержательно определить понятие «лакуна» в его известном наглядном применении, а именно в контексте кросслингвистических исследований.

В первом вышеприведенном примере «covoiturage – Ø»¹⁴ русская лакуна-отсутствие имеет относительный характер, т. е. условием ее обнаружения и, соответственно, «бытия» может быть только устанавливаемое, актуализированное соотнесение с французской лингвокультурой. Действительно, лексический/языковой синтаксический номинат понятия *covoiturage* не должен присутствовать в системе русского языка, т. к. данного понятия

⁹Personne qui ne croit pas vraiment au réchauffement climatique ou à l'incidence de l'activité humaine sur celui-ci. Généralement, les climato-sceptiques considèrent que le réchauffement climatique est cyclique et qu'il est tout à fait normal («Человек, не верящий в глобальное потепление или влияние человеческой деятельности на изменения климата. Как правило, это те, кто скептически относятся к глобальному потеплению, считают его циклическим и вполне допустимым»).

¹⁰Personne soutenant que le climat terrestre augmente en température suite aux actions de l'homme («Человек, считающий, что глобальное потепление происходит вследствие жизнедеятельности человека»).

¹¹Наличие иноязычного «фона» совершенно не обязательно. При специальных исследованиях русского лексико-семантического поля – репрезентанта современного концепта «экология» – данная лексическая лакуна может быть выявлена без соотнесения с каким бы то ни было иностранным языком.

¹²Personne qui milite en faveur de la protection et de la défense des ZAD (Zones à défendre). Un zadiste milite en squattant un lieu afin de repousser ou faire échouer sa destruction et la reconstruction prévue à sa place. Les zadistes défendent le plus souvent des lieux environnementaux ou agricoles («Человек, защищающий ЗПБ (Зону Предполагаемого Благоустройства). Человек, занимающийся благоустройством и оказывающий сопротивление проектам, наносящим ущерб окружающей среде; борется, самовольно заселяясь на месте, чтобы отложить или отменить разрушение или реконструкцию, предусмотренную на этом месте. “Задисты” чаще всего защищают экологически незагрязненные или сельскохозяйственные объекты»).

¹³Dérèglement organisé et planifié du climat mondial du fait des émissions croissantes de Gaz à Effet de Serre (GES) dans l'atmosphère alors même que la responsabilité humaine du réchauffement climatique est désormais avérée à la suite de la publication des rapports du GIEC (Groupe d'experts intergouvernemental sur l'évolution du climat) en 1990, 1995, 2001 et 2007 («Организованное и предумышленное ухудшение мирового климата ввиду увеличения выброса парникового газа (ПГ) в атмосферу, ответственность человека за глобальное потепление теперь доказана после публикации докладов МГЭИК (Межправительственной группы экспертов по изменению климата) в 1990, 1995, 2001 и 2007 годах»).

¹⁴Знак Ø – пустое множество – указывает на отсутствие как понятия, так и его номината в рассматриваемой лингвокультуре.

в русской концептосфере не существует, но при условии измерения русской лингвокультуры относительно французской, нахождения их «общего знаменателя» неизбежно констатируем данное *отсутствие как присутствие*, т. е. лакуну.

Во втором приведенном примере «*réchauffiste – С/∅*»¹⁵ лакуна присутствует в системе русского языка/речи (в потенциале или виртуале), поскольку известное русской социокультуре понятие не имеет языкового номината (но может быть передано речевыми синтаксическими номинатами и предикатами). В данном случае это лакуна-пробел, ее репрезентация на фоне французского языка обусловлена постановкой проблемы в настоящей статье, т. е. ее относительный характер весьма условен: для обнаружения «бытия» лакуны-пробела, в частности в русском языке, не требуется обязательного параметра относительности (ср. в связи с этим очевидные для носителей русского языка лакуны-пробелы: «молодожены – старожены?», «родители (мать и отец вместе взятые), а брат и сестра, вместе взятые – ?», «собака – собаковод, кошка – котовод? кошковод?», «ходить – ходок, бегать – бегун, сидеть – сидун? седок?, стоять – стоюн?», «тыкать, тыкание – выкать? выкание?», «тараторить, а говорить медленно, размеренно – ?» и т. д.).

Итак, на основании теоретико-методологического и эмпирического анализа лакунарности мы предлагаем различать лакуну-отсутствие и лакуну-пробел. Межъязыковая лакуна есть лакуна-отсутствие – существующее в ограниченной сопоставляемыми языками плоскости относительности отсутствие в лингвокультуре В концепта и его номината, имеющихся в культуре А. Внутряязыковая лакуна есть лакуна-пробел – актуальное *не присутствие* («динамичное» небытие) языкового номината для существующего в культуре понятия.

Если межъязыковая лакуна предстает как формальное (лексема), так и субстанциональное (концепт) небытие безэквивалентной единицы соотносимого языка А, то внутряязыковая лакуна – формальное небытие безэквивалентной единицы сопоставляемого языка А при ее субстанциональном бытии (т. е. наличии в культуре В понятия, поименованного иноязычной безэквивалентной лексемой). Лакуна-пробел зачастую очевидна носителям языка, но может стать предметом специального исследования и выявляться как при внутряязыковых, так и контрастивных исследованиях. В результате влияния как внеязыковых, так и внутрисистемных/дискурсивных языковых факторов такое формальное небытие иноязычной безэквивалентной единицы может стать ее бытием (элиминацией лакуны) в локусе иноязычной культуры в случае заимствования этой иноязычной лексемы или создания лексемы по существующим в данном языке словообразовательным моделям¹⁶.

Межъязыковая лакуна-отсутствие – явление вполне закономерное: лингвокультуры отличны друг от друга, что предполагает различия как в языковых системах, так и в языковой картине мира их носителей. Вместе с тем такая лакуна может стать антилакуной (т. е. быть заполненной) при освоении и ассимиляции языковой культурой инокультурного понятия, которое получает в данной культуре внутрисистемный языковой номинат или заимствует иноязычный (ср., например: концепт «День святого Валентина» в России коммуникативно востребован с начала 1990-х годов; концепт «каршеринг» – специфический вид краткосрочной аренды автомобиля, который стал возможен с повсеместным применением Интернета и смартфонов – осваивается русской культурой и поименован посредством

¹⁵Знак С/∅, где С – концепт/понятие, а ∅ – пустое множество, указывающее на наличие соответствующего инокультурному понятию и отсутствие его номината.

¹⁶Ср., например, интернет-неологизмы молодежного социолекта, образованные по разным словообразовательным моделям русского языка от заимствованных англицизмов: твитнуть – твититься – твиттеры, инстаграмиться, френдиться, фейсбучить, скайпиться, лайки – дислайки – лайкнуть, гуглить, коннектить, банить, постить, шазамнуть – зашазамить и т. п.

транскрипции соответствующего англицизма; понятие «хронофаг» (люди, объекты, занятия и т. п., на которые человек неэффективно расходует свое время) все более ассимилируется в сфере тайм-менеджмента и также поименовано заимствованным и транслитерированным англицизмом; все более распространяющееся, но уже давно освоенное молодежной субкультурой понятие «спойлер» (прежде-временно раскрываемая информация о сюжете фильма, книги или иного события, которая содержит важные сюжетные детали и может снижать интерес зрителя к данному произведению или событию), номинат которого также образован от английского «to spoil» и т. п.).

Таким образом, можно заключить, что эпистемологический феномен межъязыковой ла-

куны обусловлен разнородными модусами реальности лакуны как таковой: атрибутом лакуны-отсутствия является ее относительность, модусом лакуны-пробела – наличие концепта при отсутствии его языкового номината. Реальность межъязыковой лакуны, лакуны-отсутствия, задается пределами соотношения «иноязычная лексема/фразама языка А – сегмент лексико-семантического/фразеосемантического поля языка В», при котором отсутствие языкового номината в данном сегменте опосредует безэквивалентный, культурно-специфический статус иноязычного имени. Внутряязыковая лакуна, лакуна-пробел, выявляется в языковой системе одной культуры как «дефицит» языкового номината для существующего в культуре концепта.

Список литературы

1. *Леонова Л.А.* Семантические и структурные аспекты антилакун в двуязычной ситуации // Структурные аспекты слова и словосочетания: сб. науч. тр. Калинин, 1980. С. 35–42.
2. Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: <https://slovarozhegova.ru/ozhegov.php> (дата обращения: 20.09.2019).
3. *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009.
4. *Степанов Ю.С.* Французская стилистика. М.: Высш. шк., 1965. 356 с.
5. *Гак В.Г.* Сравнительная типология французского и русского языков. Л.: Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1977. 300 с.
6. Толковый словарь Ушакова онлайн. URL: <https://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 20.09.2019).
7. *Муравьев В.Л.* Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков). Владимир, 1975. 96 с.
8. *Марковина И.Ю.* Влияние лингвистических и экстралингвистических факторов на понимание текста: дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.
9. *Быкова Г.В.* Лакунарность как категория лексической системологии. Благовещенск, 2003. URL: http://gendocs.ru/v33236/быкова_г.в._ (дата обращения: 21.09.2019).
10. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Лексическая система языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. 148 с.
11. *Стернин И.А.* Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. М.: Восток-Запад, 2006. 206 с. URL: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Kontrastivnaja_lingvistika/Kontrastivnaja_lingvistika.pdf (дата обращения: 21.09.2019).
12. *Харитоновна Б.* Национальная специфика семантики русского слова (на материале существительных лексических полей «Человек», «Быт» и «Народное хозяйство» учебника «Русский язык» для подготовки дипломированных учителей русского языка в ГДР): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1987.
13. *Огурцова О.А.* К проблеме лакунарности // Функциональные особенности лингвистических единиц: сб. тр. Кубан. ун-та. Краснодар: Изд-во Кубан. ун-та, 1979. Вып. 3. С. 77–83.
14. *Жельвис В.И.* К вопросу о характере русских и английских лакун // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 136–146.
15. *Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю.* Опыт систематизации лингвистических и культурологических лакун: Методологические и методические аспекты // Лексические единицы и организация структуры литературного текста: сб. науч. тр. Калинин, 1983. С. 35–52.

16. Белов А.И. О выделении некоторых групп лакун (на материале финского и русского языков) // Тезисы VI Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1978. С. 19–21.
17. Арестова А.А. Количество лакун в переводном тексте как один из критериев адекватности перевода // VII Федоровские чтения: тез. Тамбов, 2003.
18. Савицкий В.М. Онтология языковых лакун // Вестн. МГОУ. 2013. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 13.08.2019).
19. Савицкая Е.В. Языковые лакуны в свете диалектической логики. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-lakuny-v-svete-dialekticheskoy-logiki> (дата обращения: 13.08.2019).
20. Национальная философская энциклопедия. URL: <https://terme.ru/> (дата обращения: 13.08.2019).

References

1. Leonova L.A. Semanticheskie i strukturnye aspekty antilakun v dvuyazychnoy situatsii [Semantic and Structural Aspects of Anti-Lacunae in a Bilingual Situation]. *Strukturnye aspekty slova i slovosochetaniya* [Structural Aspects of the Word and the Word Combination]. Kalinin, 1980, pp. 35–42.
2. *Ozhegov's Explanatory Dictionary Online*. Available at: <https://slovarozhegova.ru/ozhegov.php> (accessed: 20 September 2019) (in Russ.).
3. Azimov E.G., Shchukin A.N. *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [New Dictionary of Teaching Terms and Concepts (Theory and Practice of Language Teaching)]. Moscow, 2009.
4. Stepanov Yu.S. *Frantsuzskaya stilistika* [French Stylistics]. Moscow, 1965. 356 p.
5. Gak V.G. *Sravnitel'naya tipologiya frantsuzskogo i russkogo yazykov* [Comparative Typology of the French and Russian Languages]. Leningrad, 1977. 300 p.
6. *Ushakov's Explanatory Dictionary Online*. Available at: <https://ushakovdictionary.ru> (accessed: 20 September 2019) (in Russ.).
7. Murav'ev V.L. *Leksicheskie lakuny (na materiale leksiki frantsuzskogo i russkogo yazykov)* [Lexical Gaps (Based on the Vocabulary of the French and Russian Languages)]. Vladimir, 1975. 96 p.
8. Markovina I.Yu. *Vliyaniye lingvisticheskikh i ekstralingvisticheskikh faktorov na ponimaniye teksta* [The Influence of Linguistic and Extralinguistic Factors on the Understanding of the Text: Diss.]. Moscow, 1982.
9. Bykova G.V. *Lakunarnost' kak kategoriya leksicheskoy sistemologii* [Lacunarity as a Category of Lexical Systemology]. Blagoveshchensk, 2003. Available at: http://gendocs.ru/v33236/bykova_g.v._ (accessed: 21 September 2019).
10. Popova Z.D., Sternin I.A. *Leksicheskaya sistema yazyka* [The Lexical System of Language]. Voronezh, 1984. 148 p.
11. Sternin I.A. *Kontrastivnaya lingvistika. Problemy teorii i metodiki issledovaniya* [Contrastive Linguistics. Problems of Theory and Methods of Research]. Moscow, 2006. 206 p. Available at: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannyye_nauchnye_publicakcii/Kontrastivnaya_lingvistika/Kontrastivnaya_lingvistika.pdf (accessed: 21 September 2019).
12. Kharitonova B. *Natsional'naya spetsifika semantiki russkogo slova (na materiale sushchestvitel'nykh leksicheskikh poley "Chelovek", "Byt" i "Narodnoye khozyaystvo" uchebnika "Russkiy yazyk" dlya podgotovki diplomirovannykh uchiteley russkogo yazyka v GDR)* [National Specifics of the Semantics of the Russian Word (Based on the Material of the Lexical Fields "Person", "Everyday Life" and "National Economy" of the Textbook *The Russian Language* for Training of Certified Teachers of the Russian Language in the German Democratic Republic): Diss.]. Voronezh, 1987.
13. Ogurtsova O.A. K probleme lakunarnosti [On Lacunarity]. *Funktsional'nye osobennosti lingvisticheskikh edinits* [Functional Features of Linguistic Units]. Krasnodar, 1979. Iss. 3, pp. 77–83.
14. Zhel'vis V.I. K voprosu o kharaktere russkikh i angliyskikh lakun [On the Nature of Russian and English Lacunae]. *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika rechevogo povedeniya* [National and Cultural Specifics of Verbal Behaviour]. Moscow, 1977, pp. 136–146.
15. Sorokin Yu.A., Markovina I.Yu. Opyt sistematizatsii lingvisticheskikh i kul'turologicheskikh lakun: Metodologicheskie i metodicheskie aspekty [The Experience of Systematizing Linguistic and Cultural Lacunae: Methodological Aspects]. *Leksicheskie edinitsy i organizatsiya struktury literaturnogo teksta* [Lexical Units and Organization of the Structure of a Literary Text]. Kalinin, 1983, pp. 35–52.
16. Belov A.I. O vydelenii nekotorykh grupp lakun (na materiale finskogo i russkogo yazykov) [On Singling Out Certain Groups of Lacunae (Based on the Finnish and Russian Languages)]. *Tezisy VI Vsesoyuznogo simpoziuma po psikholingvistike i teorii kommunikatsii* [Outline Reports of the 6th All-Union Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory]. Moscow, 1978, pp. 19–21.

17. Arestova A.A. Kolichestvo lakun v perevodnom tekste kak odin iz kriteriev adekvatnosti perevoda [Number of Lacunas in the Target Text as One of the Criteria for Translation Adequacy]. *VII Fedorovskie chteniya* [7th Fyodorov Readings]. Tambov, 2003.

18. Savitskiy V.M. Ontologiya yazykovykh lakun [Ontology of Linguistic Lacunas]. *Vestnik MGOU*, 2013, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 13 August 2019).

19. Savitskaya E.V. *Yazykovye lakuny v svete dialekticheskoy logiki* [Linguistic Lacunas in the Light of Dialectical Logic]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-lakuny-v-svete-dialekticheskoy-logiki> (accessed: 13 August 2019).

20. *Natsional'naya filosofskaya entsiklopediya* [National Encyclopaedia of Philosophy]. Available at: <https://terme.ru/> (accessed: 13 August 2019).

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.5.80

Galina V. Belikova

Moscow State Pedagogical University;
prosp. Vernadskogo 88, Moscow, 119571, Russian Federation;
e-mail: galatin@yandex.ru

THE EPISTEMOLOGICAL PHENOMENON OF THE INTERLINGUAL GAP IN CROSS-LINGUISTIC RESEARCH (Exemplified by the French and Russian Languages)

This article discusses the problem of the theoretical and empirical interpretation of interlingual gaps, whose taxonomic status has been disputed by a number of scholars. The identification, description and typing of subclasses of basic linguistic and extralinguistic (cultural) gap taxa are determined by the research context (cross-cultural or monolingual) and the objectives of the studies. At the same time, the typological diversity of gaps complicates the differentiation of their taxonomy by meaning. In this paper, a generalized meaning of the term *gap* is formulated, integrating various points of view on its essence and mediating the differentiation of intra- and interlingual gaps. The practicability and legitimacy of the interlingual interpretation of the gap are substantiated in terms of the ontological understanding of the essence of the gap and by comparing the selected French-Russian nonequivalents. It is suggested to distinguish between the interlingual gap and nonequivalent unit, since the significata of these terms lie outside of any (analytic/synthetic) identity. The term *interlingual gap* reflects a different (in contrast with the intralingual gap) mode of the gap's reality. Such an *absence gap* appears as a dynamic nonbeing, which, when discovered, supposes a culturally-specified being of a nonequivalent in language A. The interlingual gap is the absence gap, whose mode of reality is set by the limits of the correlation "foreign lexeme/phraseme of language A – segment of the lexico-semantic field of language B". The absence gap should be distinguished from the *blank gap*, whose mode of reality stays within the system of one language, but can be identified against the background of another language. The epistemological phenomenon of the interlingual gap can be explained by the heterogeneous modes of reality of the gap as such: the attribute of the absence gap is its relativity, while the mode of the blank gap is the presence of a concept in the absence of its linguistic nomination.

Keywords: *interlingual gap, concept, being-nonbeing, absence gap, blank gap.*

Поступила: 28.05.2019

Принята: 26.07.2019

Received: 28 May 2019

Accepted: 26 July 2019

For citation: Belikova G.V. The Epistemological Phenomenon of the Interlingual Gap in Cross-Linguistic Research (Exemplified by the French and Russian Languages). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2019, no. 5, pp. 80–90. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.5.80